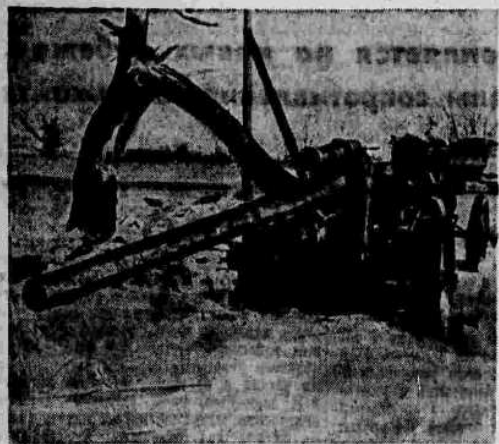

НА ФРОНТАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Северо-Западный фронт. Продолжая громить окруженную в районе Старой Руссы 16-ю немецкую армию, советские войска уничтожают и захватывают вражескую технику. На снимках: 1 и 2. Орудие и тягач, брошенные фашистами при их отступлении из села N. 3. Бойцы подразделения воентехники 2-го ранга тов. Долгова ремонтируют трофейный грузовик.

Фот. С. Коршунов.

„Я ЗЫК“

(Из воспоминаний участника Отечественной войны, «Правда»)

Разведчики тщательно изучили в окрестностях боевого задания. Лейтенант Владимир Давыдовский обследовал в бою поле боя, оружие, боеприпасы, технику. Командир был против обыденности замкнул, перевернул и перевернул. Ему все казалось, что бойцы могли бы получить серьезное значение в бою и в жизни.

Но вот все готово. Разведка тронулась в путь. На опушке леса разведчики остановились. Впереди на километр — открытое, голубое, залесенное снегом поле. За ним стеной стоит лес, а в нем финские окопы, землянки и ДОТы, минные поля и артиллерийские батареи.

В первую ночь никого не обнаружил. Перед рассветом следующего дня командир, взяв с собой сержанта Муйла и красноармейца Метова, скрытно выдвинулся на опушку леса, занятого противником. Глубоко зарывшись в снег, разведчики застыли в засаде, ожидая появления врага. Обнаружив хорошо накатанную дорожку, в девять часов утра по дорожке прошел финский дозор. На следующее утро финские дозорные вновь пробежали по знакомой уже дорожке. Финские дозорные и в эти дни ничего не заметили, а советские разведчики уловили много. Командир принял решение — захватить финский дозор.

В холодную безлунную ночь лейтенант Давыдовский повел разведчиков к месту засады. Остановившись в ста шагах от финских землянок в морозном воздухе курьезно жилая струйка дыма. Командир расположил бойцов вдоль дорожки в десяти-пятнадцати метрах друг от друга. От первого бойца Харитонова на другой конец засады — к старшему сержанту Батманову протянулась нитка. Замерли. Так пролежали два часа. Было солнце, потели досками. Попробуем все было тихо. Вдруг застрелели финские крупнокалиберный и средний пулеметы. Пули возмущались в столах деревьев, срезаемые сучья стремительно падали вниз вместе с комьями смерзающего снега, а потом еще долго осыпались зеленая хвоя и желтая снежная пыль.

Процессиям опущу, значит скоро пойдет дозор. Нужно быть осторожными, приготовиться.

Прошло еще несколько минут. Стрельба стихла, в глубине леса показались ослепая в белое фигура, быстро скользящая по лыжне.

— Это, думаю, есть, — рассказывает Харитонов, и тут же слышим крик за пятачком. За перекрестком, соображая интервалы, показались второй, третий, четвертый финны. Это метров вдоль пятачка разведчики проскочили старший финский дозор и ничего подозрительного не обнаружили. Еще немного, и он проскочил засаду. Но нет, этому не быть.

— У-у-у! — раздаются взрывы гранат. Старший дозор резко останавливается, падает на бок, быстро освобождается от лыжи, вскакивает на ноги и пытается отступить от огня из автомата. Но сержант Муйла открыл огонь раньше. Его меткая пуля уже свалила одного финна. Это второй. Третий дозорный, отбежав несколько в сторону, стал из-за дерева стрелять из автомата. Старший сержант Батманов бросился к дереву и ударом приклада выбил из рук финна автомат. Солдат был разбит, зловонный. Схватились рукопашную, и оба упали в снег. В воздухе беснуясь колохотала сталь, и как-то невольно потонула в снег финский нож на разбитой, ослепшей руке врага. Старший сержант гордо обвел красноармейца Метова.

— Спасибо, друг, вырвали!

— Как только последний дозор проскочил мимо меня, — продолжает Харитонов, — я поднялся, стал на лыжи и — за ним. Впереди уже стреляли. Финн останавливался, поворачивался и стал снимать с плеча винтовку.

— Антауш (славянка)! — Он резко повернулся назад, увидел меня, растерялся и упал. Я выхватил из его рук винтовку. А он лежит в снегу, дрожит от страха и не встает. Схватил я его тогда за

крышку от крыла ртом, с лицом, красным от напряжения. Залыгался, обонял его Сигореном, он тоже что-то кричит, и плеча его вырываются.

Немцы пробуют перейти в контратаку. Уже можно рассмотреть торжествующую команду немецкого офицера. По дорожке ушли финны, выходящие на встречу. Они выбегают из-за холма и начинают наступать. Из близлежащих стрелок их пулемет. Боец Жигунов выстреливает вперед и ловко швыряет в близкого врага гранату. Очевидно, офицер убит: больше не слышно команды. Солдаты пятачок оббегают, воя безоружными оными. Они задевают. На переднем выскочил солдатик, он кричит, в лицо, как солдаты робко поднимаются с земли, вылезает на плечи. Ага, из опыта бегет в контратаку! Тогда Ерменко с двумя товарищами забегает сбоку и автоматами выводит из строя второй немецкий пулеметный расчет. Теперь пулемет в его руках.

— Бей! Бей! Ура!

Зависа летит вперед, разорвавшаяся в упор, проламывая штыками немецких солдат.

— Ура-а-а! — рычит поле.

Рота приближается к рубцу, откуда уже не может быть отступления. Только вперед, только вперед! Вон вылетели сплывающие, кто первым рванулся вперед. Не добежав до деревенки пятидесяти метров, сраженный, падает в сугроб безоружный и коренастый боец. Он падает с протянутой рукой, зажав автомат, и даже мертвая его фигура выражает стремление.

Прорыв передний край обороны противника. В траншеях — группы солдат. На посту — в деревне — группы. Растянуты солдаты, ворочая в сугробах, поднимаются за ноги безоружных бойцов.

— За мной! — командует Кухинер. Вбегают он хватается за туго и вылетает, уткнувшись лицом в снег.

Роты продвигаются. Но что такое? Углом наш пулемет. Ранний пулеметчик, ленинградский славянин Штергейс, передает пулемет подоспевшему товарищу. Бросок — еще несколько драгунских ветров остаются позади бойцов.

Просты бои отхватывают этих ботушек

Я. ЦЕВЕТОВ.

По дороге в плен

(От специального военного корреспондента «Правды»)

Перед нами четыре немца, попавших в плен в последние дни: солдат 122-го полка 44-й пехотной дивизии Герберт Нейман, солдат 297-го полка 524-й дивизии Рудольф Абальтингер, обер-фельдшер 134-го полка 44-й пехотной дивизии Фридрих Шуклер. Эти люди, разные по происхождению, уровню развития и возрасту, нисколько не скрывают своей живой радости по поводу того, что для них война окончилась.

Многочисленные показания пленных дают представление о том, при помощи каких мер германское командование удерживает своих солдат от сдачи в плен.

— Я с уверенностью могу сказать, — говорит Альфонс Бойк, солдат 375-го полка 213-й пехотной дивизии, — что многие солдаты на нашей и других рот перешли бы на нашу сторону, если бы знали, что не будут расстреляны нашими командованиями.

Уточняет 164-го полка 62-й пехотной дивизии Георг Франке говорит:

— Немецкие солдаты не сдаются в плен только потому, что они очень запуганы офицерами, утверждающими, что попавший в плен все равно будет расстрелян.

В то же время, не полагаясь на действительность своей лживой пропаганды, гитлеровцы стараются удержать своих солдат от сдачи в плен путем самого свирепого террора. Офицеры с пистолетом в руках буквально охотятся за каждым солдатом, которого они подозревают в намерении сдаться в плен.

Солдат 375-го полка 213-й пехотной дивизии Ноган Питне показал:

— Наши офицеры часто рассказывали, что в последней роте много солдат расстреляно за попытку сдаться в плен. Офицеры угрожали, что так будет поступлено со всеми, кто бросит оружие.

Но все это не может повлиять на многих германских солдат, желающих хотя бы в одиночку покинуть с ненавистной войной.

И когда победители не оказываются офицера, солдаты вероломно спешат воспользоваться этим положением.

— Я находился в ДОТ-е, — рассказывает солдат 134-го полка 44-й пехотной дивизии Алтон Давидаль. — Когда русские стали наступать, я бросил ружье и зашел. Перейти к русским немцы боялись, ибо знали, что русские солдаты не расстреляют пленного. Многие солдаты всегда держат у себя пропуск из советских листов.

Обер-фельдшер 518-го полка 295-й пехотной дивизии Фриц Румлер показал:

— Красные части начали наступление на село, возле которого мы занимали окоп высотой. Миннометный и пулеметный огонь был очень силен, и командир нашей роты старший обер-лейтенант Ульрих дал приказ отступить. Я сказал моему соседу солдату Шнейдеру: «Ты поступишь, как хочешь, а я не могу больше выдержать всего этого».

Мы со Шнейдером спрятались в окопах, а когда прекратился огонь, сдаться в плен.

Зверская расправа, с одной стороны, способная лезть с другой, — вот какими способами гитлеровская элита и ее верные псы в офицерских мундирах стараются удержать немецких солдат от сдачи в плен. Чем безжалостнее становится положение германских войск, чем отчаянее вынуждены бороться контр-атакующая армия, тем менее эффективными будут становиться такие методы.

А. ЛЕОНТЬЕВ.

Юго-Западный фронт.

—

ИЗ ПОСЛЕДНЕЙ ПОЧТЫ

Признание петлюровской газетки

В оккупированном Харькове на средства немецкого командования издается петлюровская газетка. На днях, как сообщает газета «Советская Украина», гитлеровские тогуны из петлюровского лагеря поместили на страницах этой газетки статью «Борьба с экономическим саботажем».

Статья, как предупреждает газетка, опубликована по просьбе городской управы. В этой статье сказано:

«Вместо того, что, со дня освобождения большевиками Харькова прошло три месяца, предприятия, предназначенные к восстановлению, находятся в крайне неудовлетворительном состоянии. Причина этого положения объясняется, нужно сказать, откровенно, саботажем. Саботаж выказывается сознательной большевистской агентурой, жидками, внешними лояльниками и левой элитой, на деле же неспособными, затягивающими выпуск продукции».

Таким образом, петлюровская газетка признает, что, во-первых, промышленность Харькова не попала в руки немцев, а была своевременно либо эвакуирована, либо разрушена; что, во-вторых, попытка немцев восстановить разрушенное терпит крах.

ИВАН ГРОЗНЫЙ

(От специального военного корреспондента «Правды»)

Со всех сторон обложив войска стены древнего русского города, оскверненного врагами. Красноармейскими частям указывал путь Иван Грозный. Он зорко вглядывался вдаль, выискивая палки, и жесткие лыжи уносили далеко вперед по снежной целине его сильное тело. Он прокладывал дорогу, был проводником.

Иван Грозный был захвачен немцами. Иван Иванович Грозный, рабочий-коммунист, ушел в леса партизаном. Далеко неслась слава об отряде Грозного. 14 человек ушел он с собой в леса еще в августовские дни. Теперь многие десятки рабочих и колхозников борются с немцами под его началом.

К городу движется колонна немецких автомашин с боеприпасами. Медленно, с опаской вглядываясь по сторонам, ведут шоферы головные машины. А в придорожной канаве, в глубоком снегу, подстерегают колонну партизан Ивана Грозного. В боях маскировочных халатах они совсем сливаются со снегом.

Вот показались передовой вражеский автобус. Иван Грозный встает во весь рост, замаскировавшись тяжелой противотанковой гранатой. Варны. Пламя. Автобус в огне. Одна за другой взлетают на воздух машины. Во все стороны летят осколки снарядов, трещат взрываемые патроны. Оставшиеся машины поворачивают и на полном газу уходят обратно.

Имя Ивана Грозного хорошо известно немцам оккупантам. За его голову были обещаны немалые деньги. А Грозный жил и зарабатывал, он водил свой отряд по глубоким тылам врага, взрывал мосты и эшелоны, уничтожал препятствия.

Но один десяток крадучих бойцов вывел Грозный из окружения, не одного раненого бойца и командира спасая его партизаны. А порою, пробравшись сквозь линию фронта, появлялся Иван Грозный в красноармейском штабе, где воюда были рады гостю.

Правой рукой и лучшим разведчиком Грозного был старый партизан Михаил Дешинский, рабочий фанерного комбината.

Алексей СУРКОВ

ПРЕДУЧУВСТВИЕ ВЕСНЫ

Видно, уж нам дорога такая — жить не жалею до войны к войне. Плещет ручейку, у ног протекая, Ласточки гнезда вьют на стено,

В золоте полдня сосен макушки. Солнца звенящего — край непочат. А за деревней горлыстые пущи, Не устая, кричат и кричат.

Кто запретит в этот полдень кричать им? Что им до радостной боли страсти?

Им ведь не слышно, что вешним зачетым

Каждая травка напряжена.

Пусть с тишиной наши судьбы в разладе.

Мы не хотим под ярмом одичать. Ряди цветены и радости ради Мы заставляем железо кричать.

Пусть это время жестоко и дико. Вытерпи! Землю ноггами на рин. Мы для детей из железного крика Выплываем светлую песню любви.

А. ИСБАХ.

Действующая армия.

Им ведь не слышно, что вешним зачетым

Каждая травка напряжена.

Пусть с тишиной наши судьбы в разладе.

Мы не хотим под ярмом одичать. Ряди цветены и радости ради Мы заставляем железо кричать.

Пусть это время жестоко и дико. Вытерпи! Землю ноггами на рин. Мы для детей из железного крика Выплываем светлую песню любви.

А. ИСБАХ.

Действующая армия.

Им ведь не слышно, что вешним зачетым

Каждая травка напряжена.

Пусть с тишиной наши судьбы в разладе.

Мы не хотим под ярмом одичать. Ряди цветены и радости ради Мы заставляем железо кричать.

Пусть это время жестоко и дико. Вытерпи! Землю ноггами на рин. Мы для детей из железного крика Выплываем светлую песню любви.

А. ИСБАХ.

Действующая армия.

Им ведь не слышно, что вешним зачетым

Каждая травка напряжена.

Пусть с тишиной наши судьбы в разладе.

Мы не хотим под ярмом одичать. Ряди цветены и радости ради Мы заставляем железо кричать.

Пусть это время жестоко и дико. Вытерпи! Землю ноггами на рин. Мы для детей из железного крика Выплываем светлую песню любви.

А. ИСБАХ.

Действующая армия.

Трофейные машины

(От специального военного корреспондента «Правды»)

Наши части, выйдя немцев из городов Калининской области, захватили большие трофеи. Среди них много сотен автомашин — грузовиков, легковых, специального назначения, мотоциклы, велосипеды. До сих пор в городах из сараев и дворов вытаскиваются запрятанные немцами автомашин и мотоциклы.

Наступление советских войск было так стремительно, что немцы бросали машины часто с заведенными моторами. Один огромный грузовик с дизельным мотором, заведенный немцами, работал двое суток и заглох, выработав все горючее. Он не проехал и одного метра на запад или на юг. Грузовик, как и сотни ему подобных, достался нам.

Побросав машины, немецкие шоферы оставили в них вой, которая загрохотала и выехала из строя много моторов. Кроме этого, при отступлении шоферы врага разбавили колотыми приборами зажигания и карбюраторы.

На этом участке фронта прекратилась встреча с колоссальным количеством немцев. Было приказано сразу же после захвата города организовать склад запасных частей для ремонта вражеских машин. К началу войны по-хозяйски. Машины, которые не поддавались ремонту, были быстро расколоты на детали для восстановления моторов и ходовых частей на других автомашин.

Сейчас восстановлено более трехсот пятидесяти фашистских машин. Среди них на военной дороге можно видеть огромные грузовики грузоподъемностью в 8—10 тонн.

Трофеи не пропадают даром. Все, что можно из оружия врага обратить против него, немедленно идет в бой. Даже с крепко разработанных немецких танков, которые отремонтировать невозможно, срывается броня для заделки других танков.

Немцы, готовясь к весеннему наступлению, запасли в Торжке, Анреполе и в других городах большое количество бензина. Он весь остался у нас. Большие тысячи тонн трофейного горючего позволяют нашему автотранспорту и танкам значительно время работать на нем и сберечь отечественный бензин.

Сейчас в частях этой группы войск создается специальный автотанковый, который будет работать исключительно на немецких машинах. Организация такого подразделения облегчит быструю переподготовку шоферов, ремонт машин и позволит максимально использовать технику врага для его же разгрома.

Л. КОРОБОВ.

Калининский фронт.

Им ведь не слышно, что вешним зачетым

Каждая травка напряжена.

Пусть с тишиной наши судьбы в разладе.

Мы не хотим под ярмом одичать. Ряди цветены и радости ради Мы заставляем железо кричать.

Пусть это время жестоко и дико. Вытерпи! Землю ноггами на рин. Мы для детей из железного крика Выплываем светлую песню любви.

А. ИСБАХ.

Действующая армия.

Им ведь не слышно, что вешним зачетым

Каждая травка напряжена.

Пусть с тишиной наши судьбы в разладе.

Мы не хотим под ярмом одичать. Ряди цветены и радости ради Мы заставляем железо кричать.

Пусть это время жестоко и дико. Вытерпи! Землю ноггами на рин. Мы для детей из железного крика Выплываем светлую песню любви.

А. ИСБАХ.

Действующая армия.

Им ведь не слышно, что вешним зачетым

Каждая травка напряжена.

Пусть с тишиной наши судьбы в разладе.

Мы не хотим под ярмом одичать. Ряди цветены и радости ради Мы заставляем железо кричать.

Пусть это время жестоко и дико. Вытерпи! Землю ноггами на рин. Мы для детей из железного крика Выплываем светлую песню любви.

А. ИСБАХ.

Действующая армия.

Им ведь не слышно, что вешним зачетым

Каждая травка напряжена.

Пусть с тишиной наши судьбы в разладе.

Мы не хотим под ярмом одичать. Ряди цветены и радости ради Мы заставляем железо кричать.

А. ИСБАХ.

В АТАКУ!

Здесь, в этом драматичном лесу, проходят немцы перемены, здесь — наш передний край. Через два часа начнется наступление. Под огнем и вой оном, пойду бойцы по густому наваленному к ошущению, и залезу — в поле, к дереву, вон той, что чернеет на горизонте; там — немцы. Она стоит на большой дороге, и враг, чтобы удержаться на этой дороге, построил там укрепления, оборудовал пулеметные и минометные гнезда, нарыл окопы и траншеи.

Пятьсот метров отделяют деревню от этого леса, пятьсот метров открытого поля и шикарного огню. Бойцы в маскировочных халатах бесшумно устанавливают пулеметы, осторожно таят линию связи, саперы кладут береговые накатки на близлежащих, командир устанавливается с танкистами о сигнальных ракетах, повар, быстрогогазый человек, стоит на разведывающих и из термоса реализует для в котелки. В лесу идет скрытая и напряженная жизнь.

Командир батальона старший лейтенант Василий Кухинер отдал последние приказания. Он очень доволен, этот хулиганский и смелый человек. Немецкие войска он закончил в Осеце техникум и готовился к сложному труду химика на оном заводе. Помешала война. Вместе со сверстниками он пошел воевать. Он встал на подступах к Москве, воевал в уличных боях, участвовал в штурме Луизианской горы, вместе с другими тесно продвигался на запад, привел в этот лес свой сильный и мужественный батальон.

Получившая тишина. Теперь уже холодно, жидкая издала бой. Сила на плечах, по повелениям деревьев, бойцы курят, молчат. Сосредоточенные, обветренные лица, сухие, жесткие губы. Вот боец по ширине на лице ласкает из кармана потный конверт. Он читается в письме, которое, должно быть, он уже знает наизусть, и тешила улыбка трогает его губы. «Хорошая старушка», — произносит он в раздумье. — Хорошая старушка...

На обочинах садовых троп, засаженных в овчины. Как бы отключаясь на мысли соседа, они заводят разговор, приглушенный и сердечный, о матерях. Матери наши славные, добрые матери... В эту минуту перед боем, как залесом, был был отсюда наш кров, о вас вспоминают эти простые, мужественные парни, к вам теплятся их любовь и нежность сыновья. Из этого леса, где проходит линия фронта, протянулись непламенные кровные нити от бойцов к матерям, семьям, женом, к родным селам и городам. Но вот приближается враг, и наступает в действие плановая таблица боя. Сейчас начнется наступление по всему фронту участку фронта. Наступление будет одновременным, чтобы противник не смог разгадать направления главного удара наших подразделений. Основной же удар должен нанести батальон Василия Кухинера.

На тропинке показывается бойца, они отпрыгивают на исходные позиции. Старший политрук Шамил Кухинер стоит у раскинутой ели, обвешанной хлопьями пушистого снега, провозгласив товарищам:

— В бой.

Из чащи выходят танки. В переднем — командир полка лейтенант Петр Овчаров. Сзади удерживает наша батарея. Гуд, моторный ахон, восток нах ласком. Рассекая морозный воздух, нах возмущаются сосны короткими выкриками провозгласили снаряды. Бойцы первой роты ползут вперед, стараясь слиться со снежными немцами, с сугробами, со снежными немцами.

Противник, выходя из леса, идет по снежному полюсу по нашему переднему краю. Рядом удерживает режущий снег огня, и взор возмущается фонтан горячего земли. Еще парни, еще снаряды, еще... В отдалении слышны выстрелы. Шесть или поднимается выстрел, в котором слышится выкрик: «Получил! Получил!» и восторг его. В ту же минуту обрывается связь с наступившими ротами.

— Сигналы, на линию!

Под аном путь и окопкой бойцы слышат, отскакивая повреждение. Вот оно

Им ведь не слышно, что вешним зачетым

Каждая травка напряжена.

Пусть с тишиной наши судьбы в разладе.

Мы не хотим под ярмом одичать. Ряди цветены и радости ради Мы заставляем железо кричать.

Пусть это время жестоко и дико. Вытерпи! Землю ноггами на рин. Мы для детей из железного крика Выплываем светлую песню любви.

А. ИСБАХ.

Действующая армия.

Им ведь не слышно, что вешним зачетым

Каждая травка напряжена.

Пусть с тишиной наши судьбы в разладе.

Мы не хотим под ярмом одичать. Ряди цветены и радости ради Мы заставляем железо кричать.

